

Научная статья
УДК 342.24(47+57)"1922/1991"

ФОРМА ГОСУДАРСТВЕННОГО УСТРОЙСТВА СССР И ЕГО ПОЛИТИКО-ПРАВОВАЯ ПРИРОДА

Николай Иванович Грачев

Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, grachev.n.i@mail.ru

Аннотация. В правовых исследованиях по-прежнему господствуют представления о СССР как о фактически унитарном государстве или псевдофедерации. В политико-территориальном устройстве Советского Союза, действительно, можно найти элементы унитаризма, федерализма, автономии и даже конфедерализма, а также достаточно стойкую тенденцию к фактическому унитаризму. Однако, по мнению автора, эти и другие политико-правовые признаки советского государства, исследуемые в настоящей работе, свидетельствует о том, что СССР практически на всем протяжении своего существования был наиболее ярким представителем имперской государственности, классическим образцом федеративной централизованной империи.

Ключевые слова: империя, федерализм, конфедерализм, унитаризм, революция, геополитика, цивилизационная миссия, центр и периферия, социализм.

Для цитирования: Грачев Н. И. Форма государственного устройства СССР и его политико-правовая природа // Вестник Уфимского ЮИ МВД России. 2022. № 4 (98). С. 12–25.

Original article

THE FORM OF STATE STRUCTURE OF THE USSR AND ITS POLITICAL AND LEGAL NATURE

Nikolay I. Grachev

Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs
of Russia, Volgograd, Russia, grachev.n.i@mail.ru

Abstract. Legal studies are still dominated by ideas about the USSR as a de facto unitary state or pseudo-federation. In the political and territorial structure of the Soviet Union, one can indeed find elements of unitarism, federalism, autonomy, and even confederalism, as well as a fairly persistent tendency towards de facto unitarism. But according to the author, these and other political and legal features of the Soviet state, studied in this work, indicate that the USSR, almost throughout its existence, was the most prominent representative of imperial statehood, a classic example of a federal centralized empire.

Keywords: empire, federalism, confederalism, unitarianism, revolution, geopolitics, civilizational mission, center and periphery, socialism.

For citation: Grachev N. I. The form of state structure of the USSR and its political and legal nature // Bulletin of the Ufa Law Institute of MIA of Russia. 2022. No. 4 (98). P. 12–25.

Советский проект имел в своей основе имперскую геополитическую природу

В декабре 2022 г. исполняется 100 лет со времени образования Союза Советских Социалистических Республик (далее – СССР) и одновременно 31 год, как его не стало. Со-

временная Российская Федерация является правопреемником и правопродолжателем СССР (ч. 1 ст. 67.1 Конституции Российской Федерации) [1]. Исторически она выросла

из недр советского государства, но, отвергнув советский общественный и государственный строй, погрузилась в длительный и достаточно глубокий кризис. Это предполагает необходимость глубокого изучения советской государственности, условий ее становления и эволюции, специфических черт и особенностей, факторов и обстоятельств разрушения Советского Союза. Однако, несмотря на то, что до настоящего времени современная Россия и многие другие страны вынуждены исправлять негативные геополитические последствия распада СССР, находясь по сути «в зоне его разложения» [2, с. 221], необходимого теоретического анализа советского государственного и общественного строя в современных общественных науках не происходит. Фактически анализ политической и правовой организации СССР, его социальной и государственной природы находится на периферии научных интересов отечественных политологии и юриспруденции. При этом в научных изысканиях по советской проблематике господствуют схемы и понятийный аппарат западной (буржуазной) политологии и юриспруденции, которые оказываются неадекватными для концептуализации советской действительности.

Все сказанное в полной мере можно отнести к вопросу изучения и определения формы политико-территориального (государственного) устройства СССР. Формально юридически, в соответствии с конституционным законодательством, Советский Союз позиционировался как «единое союзное многонациональное государство, образованное на основе принципа социалистического федерализма, в результате свободного самоопределения наций и добровольного объединения равноправных Советских Социалистических Республик» (ст. 70 Конституции СССР 1977 г.) [3].

Однако в настоящее время не многие авторы признают федеративную природу СССР, хотя, на наш взгляд, целый ряд их аргументов выглядит достаточно весомо [4, с. 316–317; 5, с. 187–191]. При этом, пожалуй, лишь один из западных исследова-

телей, Э. Карр, прямо признал, что Советский Союз «был по существу федерацией», созданной «на основе соглашений между формально равными суверенными государствами» [6, с. 322]. Подавляющее большинство зарубежных и отечественных авторов определяют его как «псевдофедерацию» [7, с. 66; 8, р. 53], настаивая на фактически унитарном строении советского государства, и в доказательство своего тезиса также приводят убедительные аргументы [9, с. 162–168; 10, с. 314–316]. В то же время многие из них указывают, что это было унитарное государство особого рода, с определенными элементами федерализма, или прямо называют его «унитарной федерацией» [11; 12, с. 48]. Разновидностью этой точки зрения является подход, согласно которому Советский Союз, обладая некоторыми чертами конфедерации, благодаря формальному закреплению в советских конституциях права сепарации (свободного выхода) союзных республик из состава СССР, был все же ближе к унитарному государству [13, с. 636; 14, с. 79; 15, с. 23] и представлял тем самым квазиконфедерацию [16, с. 12]. Крайне парадоксальным выглядит вывод, что «В. Ульянов и его соратники создали рыхлую конфедерацию с жесткой партийной дисциплиной» [17, с. 124]. В итоге в качестве некоторого обобщения сложилась концепция, согласно которой в государственном устройстве СССР присутствовали элементы федерализма и конфедерализма при «устойчивой тенденции к унитарной форме» [18, с. 311]. В соответствии с этим по аналогии со смешанными формами правления В.А. Рыбаков по результатам собственного анализа территориального устройства советского государства пришел к выводу, что оно включало в себя черты унитарного государства, федерации, конфедерации и империи и обладало «нетипичной», «смешанной» формой государственного устройства [19, с. 6–12; 20, с. 91–103].

Представляется, что в большей или меньшей степени доля истины содержится во всех этих утверждениях, но их противоречивость, а иногда кажущиеся нелогичность и непоследовательность свидетельствуют о

том, что ни один из указанных подходов не объясняет политико-правовой природы государственного устройства СССР, хотя две последние точки зрения ближе всего к ее объяснению. В политико-территориальной организации Советского Союза, действительно, можно найти элементы унитаризма, федерализма, автономии и конфедерализма, а также достаточно стойкую тенденцию к унитаризму и централизации управления.

Однако наиболее адекватной является точка зрения, высказанная в отечественной и зарубежной исторической и политологической литературе, согласно которой СССР являлся продолжателем и наследником российской имперской традиции и обнаруживал в своей организации явные признаки соответствия идеальному типу империи [21, с. 56–74; 22, с. 182–183; 23, с. 448–536; 24; 25, с. 24]. После разрушения Российской Империи в 1917 году большевики, действительно, попытались «ввести» федерацию и предложили принципиально новые парадигмы организации российского гео- и этнополитического пространства. Но эти парадигмы оказались нежизнеспособными. По этой причине восстановление российской государственности, осуществляемое в новой, превращенной, советской форме, неизбежно повлекло за собой возрождение прежних, имперских механизмов и установок – иной альтернативы не было [22, с. 186–187]. Изменилась идеология, поменялись термины, внешний облик, политико-правовая оболочка государства, но суть осталась прежней. Более того, СССР оказался «самым выразительным примером гигантской континентальной империи», интегрирующей «различные континентальные территории, евразийские этносы и культуры» [26, с. 613]. Именно имперский характер советской государственности обусловил своеобразное сочетание конфедерализма, федерализма и автономии при устойчивой тенденции к унитаризму, что как раз и свойственно государственному устройству империй, особенно континентальных [27, с. 270–271; 28, с. 210–220].

СССР возник как результат революции и распада Российской империи, необхо-

димости преодоления их разрушительных последствий и восстановления российской государственности в обновленной социалистической форме. Процесс формирования СССР стал выходом из катастрофы прежней имперской государственности, основной причиной которой стали развитие капитализма в России и ее превращение в периферийную страну капиталистической мировой системы (фактически в ее полуколонию) со всеми свойственными ей неразрешимыми внутренними противоречиями [29, с. 266–331]. Другой важной причиной стали внешнеполитические факторы. На протяжении конца XIX – начала XX вв. Российское государство постепенно геополитически слабело, замыкаясь на своих внутренних проблемах, одновременно проводя авантюрную внешнюю политику, что повлекло поражение в войне с Японией и вступление в Первую мировую войну, приведшую к гибели монархии. В результате в условиях сложившейся в стране революционной ситуации периферийные окраины России начали тяготеть к сепаратизму и отходу от нее.

Однако, с распадом Империи имперское сознание основной части российского населения никуда не ушло. Цивилизационная несовместимость России с классическими западными институтами, которые пытались внедрить Временное правительство, проявилась гораздо раньше Октябрьской Революции. Невозможность оформления буржуазно-демократической республики во многом стимулировала активность большевистской партии, хотя и выступающей с марксистских позиций, но все-таки ментально находящейся в ценностно-смысловом поле российской цивилизации и исходящей фактически из необходимости строительства глобальной империи социалистического типа, откуда проистекли марксистская теория мировой революции и, соответственно, уверенность В. И. Ленина, что именно «Соединенные Штаты мира являются необходимой государственной формой объединения и свободы наций», которая связывалась им исключительно с социализмом, «пока полная победа коммунизма не приведет к оконча-

тельному исчезновению всякого, в том числе и демократического, государства» [30, с. 354]. Однако термин «империя» не мог быть использован для этого глобального социалистического государства, поскольку он в политико-правовом лексиконе социал-демократии имел исключительно негативный оттенок, практически отождествляясь с капиталистической колониальной экспансией.

Не вызывает сомнений искренность Владимира Ильича в желании установить федеративную форму в Советской России, а затем и Советском Союзе. Не случайно в Декларации об образовании СССР, принятой 30 декабря 1922 г., выражалась надежда, что Союз станет «новым решительным шагом по пути объединения трудящихся всех стран в Мировую Социалистическую Советскую Республику» [31], что логично вытекало из основной программной цели РКП (б) – осуществления мировой революции в качестве необходимой предпосылки построения на всей планете глобального коммунистического общества. В этом аспекте федерация рассматривалась как наиболее подходящая конструкция перехода к добровольному слиянию наций [32, с. 76], а объединение государств, организованных по советскому типу, – как одна из переходных форм на пути к их полному единству [33, с. 202]. Это предопределило и то предпочтение, которое было отдано при образовании СССР в 1922 году ленинской концепции договорной (союзной) федерации в противовес сталинскому плану «автономизации», по которому все образованные на тот момент советские республики должны были войти в состав РСФСР на правах автономных образований. При этом, И. В. Сталин в целом принял идею договорного объединения советских республик, официально выступил «в качестве отца-основателя нового государства» [34, с. 389] и стал автором Декларации об образовании СССР [35, с. 155]. Лишь несколько позже он стал автором теории строительства социализма в одной стране, никогда не отказываясь при этом от идеи строительства коммунизма, под общим руководством Советского Союза и его Комму-

нистической партии в мировом масштабе. Об этом определенным образом свидетельствуют отказ Сталина исключить из проекта Конституции СССР 1936 г. положение о праве свободного выхода союзных республик из состава СССР [36, с. 161] и его последняя теоретическая работа, где он допустил возможность построения коммунизма в СССР во враждебном капиталистическом окружении [37, с. 154–223].

Однако уже тогда наиболее проницательным политикам и политическим мыслителям было ясно, что между империей и федерацией существуют глубокие параллели и генетические взаимосвязи, проявляющиеся в наличии ряда общих признаков, потенциально способствующих переходу как от империи к федерации, так и в обратном направлении, либо позволяющие таким признакам сосуществовать в рамках федеративной империи, каковой, например, была Германская империя (1871–1918 гг.), в определенном смысле продолжившая традиции Священной Римской Империи германской нации (962–1806 гг.). По этой причине концепция развития СССР как всемирной федерации советских республик, господствующая до середины 20-х годов, ничуть не противоречила имперской природе России, но сама эта природа, не прекращая своего бытия, пребывала в латентной форме, скрывшись подобно граду Китежу под воду. Однако, когда надежды на пролетарские революции в других странах не оправдались, господствующей идеологической установкой в Советском Союзе становится сталинская концепция построения социализма в одной стране [38, с. 358–401], официально закреплённая в апреле 1925 г. на XIV конференции РКП (б) [39, с. 306–319]. После этого на первый план во внутренней политике выдвигаются задачи индустриализации промышленности и всеобщей коллективизации сельского хозяйства в целях строительства великой социалистической державы, в связи с чем к началу 30-х гг. происходят переход к традиционным для России ценностям патриотизма, только теперь советского, и возвращение к властно-имперским организационным

практикам, предполагающим радикальную централизацию управления и ограничение самостоятельности союзных республик. Во внешней политике Третий Интернационал, представляющий собой сеть коммунистических партий и движений за рубежом, был переориентирован с пробуждения революции в своих странах на деятельность в интересах оказания помощи и укрепления международного положения Советской России, став по сути инструментом по расширению зоны ее геополитического влияния в мире.

Исторические условия образования СССР наглядно показывают, что при поиске оптимальной модели государственной формы, особенно в условиях революционной ситуации, нельзя догматично противопоставлять демократию диктатуре, унитаризм – федерализму, централизацию – автономии и т. д., что хорошо продемонстрировало руководство большевистской партии. Оно искало оптимальную форму, способную обеспечить государственное единство и победу в гражданской войне, и нашло ее. Чтобы восстановить разрушенное государство и удержать в своих руках власть, лидеры большевистской партии (прежде всего, Ленин и Сталин) пошли на то, чтобы разделить территорию страны на десятки национальных единиц разного уровня и статуса, от формально суверенных союзных республик до административно автономных областей и округов, сформировать в них новую национальную элиту, развивать национальное самосознание этнических меньшинств, проводить экономическое выравнивание территорий и создавать новую, социалистическую по содержанию и национальную по форме, культуру. Эти факторы стали определяющими в победе Советской власти и восстановлении Российской империи в форме союзного социалистического государства (СССР).

Таким образом, СССР по своей политико-территориальной организации представлял собой весьма сложное и оригинальное явление, по конституционной формуле и формальным признакам – федеративное, но по многим своим качественным политико-правовым характеристикам и конститу-

тивным интенциям – имперское. СССР, как в свое время Германская Империя и США в XX в., был ярким представителем одновременно и федеративной, и имперской государственности, классическим образцом федеративной централизованной империи. Весьма показательным в этой связи, что два самых больших по пространственной протяженности, военной мощи и экономическому потенциалу государства XX века – СССР и США, – которые достаточно часто в научной литературе квалифицируются как империи, являлись федерациями. Однако, в отличие от организации верховной власти США, во многом косвенной по отношению к своим сателлитам и децентрализованной относительно субъектов федерации и муниципалитетов, в СССР господствовал принцип ее единства, а официальная верховная власть всегда совпадала с реальной, вернее она и была ею, в отличие от тех же США, где несмотря на демократический фасад, она осуществляется по сути полуконспиративными структурами, являясь тайной и закулисной, а потому не вполне публичной, чем и было вызвано в конце концов появление в зарубежной публицистике и политологии концепции глубинного государства («*deep state*») [40, с. 43–60].

Осуществление управления СССР на основе однопартийной системы превратило правящую Коммунистическую партию в политическую структуру, сплачивающую республики Советского Союза в единое государственное целое. В связи с этим привилегии фактического суверенитета при принятии важнейших общегосударственных решений на протяжении всего существования СССР принадлежали в стране высшим организационным структурам партии: Центральному Комитету (далее – ЦК), Политбюро ЦК, Оргбюро ЦК, имплантированным в государственный аппарат или стоявшим над ним и игравшим роль последней решающей инстанции. Это было возможным, поскольку высшие государственные руководители являлись одновременно членами Политбюро и ЦК КПСС, и наоборот, – ведущие партийные функционеры являлись од-

новременно депутатами высших представительных органов и занимали министерские кресла. В состав Политбюро всегда входили: Председатель Президиума Верховного Совета СССР, Председатель Совета Министров СССР, министр обороны, министр иностранных дел, а иногда и руководитель службы безопасности. Верховная власть в Советском Союзе принадлежала высшим партийным органам, представляя собой нечто вроде коллективного, олигархического самодержавия, которое периодически довольно легко превращалась в индивидуальное: партийный лидер (Генеральный секретарь ЦК), нередко занимающий и высшие государственные должности Председателя правительства (В. И. Ленин, И. В. Сталин, Н. С. Хрущев) или Председателя Президиума Верховного Совета (Л. И. Брежнев), де-факто превращался в единоличного диктатора, «красного монарха». Однако, несмотря на не вполне правовой характер (так как формально-юридически высшим органом государственной власти признавался Верховный Совет СССР), партийное самодержавие имело вполне легальный, почти официальный характер с попытками узаконить такое положение конституционно. Статус правящей партии был закреплен фактически конституционно: в ст. 126 Конституции СССР 1936 г. Коммунистическая партия провозглашалась «руководящим ядром» государственных и общественных организаций трудящихся, а в ст. 6 Конституции СССР 1977 г. КПСС признавалась руководящей и направляющей силой всего советского общества. При этом высшие партийные органы не скрывали своего фактического верховенства, не делали из себя криптократию, открыто играя роль последней инстанции при принятии важнейших государственных решений на всех территориальных уровнях осуществления публичной власти и управления.

Начиная с конца XV в. и вплоть до революции 1917 г., верховная власть в России существовала в форме самодержавной монархии, которая по существу своему никак не могла быть юридически ограничена или разделена, и эта традиция единоличной и

централизованной власти была в целом сохранена и в Советском Союзе. По-видимому, только такое централизованное и во многом квази-федеративное государство и могло обеспечить в постреволюционной ситуации сохранение российской государственности как таковой. Характерно, что в целом СССР оказался ментально «своим» для широких слоев населения страны, в том числе и в национальных окраинах, которое восприняло процессы формирования советского государства на основе модернизированного варианта марксизма (ленинизма-сталинизма) в границах бывшей Российской империи в качестве восстановления российской государственности, причем на уровне народной толщи в первые годы советской власти даже не были осознаны принципиальные отличия новых форм правления, политического режима и политико-территориального устройства от прежних – имперских.

Наиболее ярко имперский характер советского государства проявился после Второй мировой войны, когда политика СССР приобрела ярко выраженные экспансионистские черты. По ее итогам, наряду с США, СССР стал супердержавой с собственной зоной политического влияния практически на всех континентах земного шара. Масштабы политического влияния Советского Союза простерлись далеко за его официальные государственные границы. Важнейшим событием общемирового значения в этом аспекте стали народно-демократические революции в ряде стран Европы, Азии и в Центральной Америке, превратившие их в страны социалистического содружества во главе с СССР: Албания, Болгария, Венгрия, Восточная Германия, Польша, Румыния, Чехословакия, Югославия, Вьетнам, Китай, Северная Корея в 40-х годах, еще ранее, в начале 20-х гг., – Монголия, в конце 50-х гг. – Куба, в средние 70-х гг. – Лаос, в конце 70-х – Никарагуа. В значительной мере их политическая ориентация на СССР и установление социалистического общественного строя произошли благодаря политической и военной помощи СССР. Выход социалистической модели за рамки одной

страны заложил основы для возникновения государственного сообщества, получившего название «мировая система социализма» (МСС). В конце 80-х гг. XX в. в ее состав входили 15 государств, занимавших 26,2 % территории земного шара и насчитывающих 32,3 % его населения [41]. Все эти государства формально юридически не являлись составными частями СССР, но фактически были частями советской социалистической империи, выступая ее дальней периферией.

Для координации их деятельности и в противовес складывающимся международным организациям блока капиталистических государств, где фактическое руководство принадлежало США (НАТО – 1949 г.; Европейское объединение угля и стали, ставшее предшественником Евросоюза, – 1951 г. и др.), Советским Союзом были созданы конфедеративные объединения экономического и военно-политического характера. В январе 1949 г. с целью укрепления экономических и научно-технических связей стран социалистического лагеря образовался Совет экономической взаимопомощи (СЭВ). В мае 1955 г. был создан военно-политический союз социалистических стран – Организация Варшавского договора (ОВД). С помощью этих организаций советское руководство контролировало внутреннюю и внешнюю политику восточноевропейских и других социалистических государств.

Кроме того, в зоне политического влияния СССР находились страны социалистической ориентации. Этот термин был принят в советской официальной политической риторике и научной литературе для обозначения государств, освободившихся от колониальной зависимости (другой термин – развивающиеся страны) и вступивших на путь строительства социализма, что официально отражалось в документах правящих в них партий и находило определенное практическое воплощение в проводимых там социально-экономических преобразованиях. Такое наименование предполагало, что указанные государства находятся на пути построения социализма, их политический и социальный строй несет в себе его отдель-

ные признаки, но на текущем этапе исторического развития считать их социалистическими еще преждевременно. В западной печати политические порядки, установившиеся в этих странах, называли не иначе как «просоветскими режимами», и в этом была большая доля истины. Среди них можно выделить две группы. К первой относятся страны «последовательной» социалистической ориентации, где у власти находились партии, называвшие себя марксистско-ленинскими: Ангола, Афганистан, Никарагуа, Сомали и др. Ко второй – страны, придерживавшиеся немарксистских теорий социализма и получившие название «страны, идущие по некапиталистическому пути развития». К ним обычно относятся Алжир, Ливия, Сирия, Чили (при президенте С. Альенде) и др. Все их вполне можно рассматривать как лимитрофы, буферные (пограничные) зоны советской империи, которые СССР стремился поставить под свой контроль и сделать плацдармом для дальнейшей политической, идеологической и экономической экспансии.

Таким образом, за время своего существования СССР оброс разнообразными периферийными и лимитрофными зонами, достигнув немыслимых для царской России успехов в экспансии и размеров своего геополитического влияния, превратившись в одну из двух сверхдержав. Все выше сказанное позволяет сделать вывод, что Советское государство обладало достаточным набором политико-правовых признаков, позволяющих отнести его к империям.

Во-первых, СССР представлял собой особую политико-территориальную форму существования евразийской (российской) цивилизации, что по мнению С. Н. Бабурина характерно именно для имперских организмов [42, с. 120]. Он занимал огромное территориальное пространство, «шестую часть земли», являясь самым большим по территории и чуть ли не самым многообразным по этно-конфессиональному составу, государством мира.

Во-вторых, в этническом и политико-административном пространстве, занимаемом

и контролируемом СССР, достаточно четко выделяются: правительственный центр; паттерн, как неотчуждаемое ядро, центральная зона, обеспечивающая его устойчивость и воспроизводство (территория Российской Федерации); ближняя (союзные республики) и дальняя (страны социалистического содружества) периферия и лимитрофы, или фронтир (страны социалистической ориентации и молодые государства, выбравшие некапиталистический путь развития). Именно такая геополитическая структура во все времена была свойственна большим имперским организмам и четко прослеживается в политико-территориальной организации СССР. Причем отношения власти и управления между всеми субъектами внутренней и внешней геополитики Союза напоминают строение вертикально-диагональной оси, от центра к периферии, описанной А. Мотылем [25, с. 33–37], а «три круга внешней периферии», куда часто относят и страны фронта, придавали советской империи поистине «глобальный масштаб» [43, с. 136].

В-третьих, в государственно-территориальном устройстве СССР и в зоне его геополитического влияния разные периферийные образования обладали по отношению к его верховной власти различными правовыми статусами, а их фактическое положение далеко не всегда находило отражение в писаном законодательстве Союза или в его международных пактах. Тем самым во внутренней структуре СССР сочетались элементы автономии, федерализма и конфедерализма при стойкой тенденции к унитаризму, что является основным государственно-правовым признаком империи [27, с. 274; 28, с. 221–219]. Даже с формально-правовой точки зрения номинально суверенные социалистические страны находились под косвенным управлением верховной власти Советского Союза, которая выступала по отношению к ним в качестве гегемона в сфере идеологии, военно-политической и финансово-экономической деятельности. А по отношению к государствам социалистической ориентации и странам идущим по некапиталистическому пути развития СССР пред-

ставлял собой, по терминологии М. Манна, неформальную империю [44, с. 26–28], контролируя их посредством использования механизмов «мягкой силы», построенных в основном на продвижении своих культурных, идеологических и политических ценностей. Таким образом, в отношениях СССР со своими союзниками, протекторатами и сателлитами можно обнаружить родовой признак имперского суверенитета, охарактеризованный Ч. Тилли как господство непрямых форм и методов осуществления верховной власти по отношению к подавляющей или значительной части периферии [45, р. 3].

В-четвертых, характер взаимоотношения центральной и периферийной элит в СССР по крайней мере в годы его наивысшего развития и наибольшего влияния в мире в целом удовлетворял имперским критериям, хотя и имел свои особенности. Здесь практически была решена основная проблема эффективного управления империей («кооптация представителей локальных элит в состав центральной и удержание их таким образом под контролем» [22, с. 187–188]). Политико-административная и правовая организация Советского Союза опиралась в целом на представителей русского народа, который был государствообразующим, стержневым имперским этносом на протяжении всей истории России, и именно его цивилизационно-культурные характеристики (язык, обычаи, традиции, нравы, право и др.) были господствующими, определяли стереотипы поведения и обуславливали структуру общественных отношений, экономический уклад и организацию власти и управления в СССР. Несмотря на это, здесь существовало юридическое и во многом фактическое равноправие между представителями различных этносов и социальных слоев, поскольку советская образовательная система сумела создать общество, практически ликвидировавшее культурную пропасть между различными национальными и социальными группами населения. Не случайно Д. Ливен связывал многие успехи Советского Союза с сформированием там новой надэтнической идентичности [23, с. 472–473], получившей

в Преамбуле Конституции СССР 1977 г. наименование «новая историческая общность людей – советский народ».

В-пятых, идеократический характер советского государства, который проявлялся в том, что все сферы общественной жизни Советского Союза и других социалистических стран всецело или в очень значительной степени определялись коммунистической идеологией, которой была придана форма универсальной (квази)религии. Ее фундаментальные постулаты выступали как высшие социально-нравственные ценности и по этой причине являлись основными регуляторами всех общественных отношений, с которыми должны были соотноситься политика и право. Кроме того, так же, как в традиционных империях прошлого, в СССР параллельно с марксистско-ленинской догматикой в сталинский период формировалась и созревала собственная, самостоятельная имперская идентичность со своей метафизикой и комплексом особых советских святынь. Это способствовало признанию за партийными и государственными лидерами СССР (прежде всего, Ленином и Сталином) со стороны населения союзных республик и социалистических стран, включая их элиту, особой сакральности и трансцендентной силы, откуда и происходило восприятие имперской по существу и содержанию власти Советского Союза не как произвола и насилия, а как сверхличностной функции, олицетворяющей идею построения бесклассового коммунистического общества, аналога Царства социальной справедливости, рая на земле для всех трудящихся.

В-шестых, СССР позиционировал себя как носителя особой цивилизационной миссии, которая прямо вытекала из идеократического характера советского государства и социалистической государственности в целом. По своему глубинному содержанию эта миссия была попыткой воплощения, претерпевшей секулярную трансформацию идеи «Москва – Третий Рим». Только теперь Третий Рим стал столицей Третьего коммунистического Интернационала, а средневековая идея религиозного спасения через истинную Веру «была заменена на

миссию построения коммунизма во всем мире, отправляясь от уникального исторического опыта русского социалистического государства» [26, с. 621]. Эта миссия не претерпела больших изменений и после того, как у советских лидеров рухнули надежды на мировую революцию и на первый план выдвинулась сталинская стратегия построения социализма в одной стране. Сталину в достаточно короткий срок удалось произвести российскую национализацию коммунистического учения, которое стало «русской национальной идеей» [46, с. 118]. Отождествив Запад с буржуазией и капитализмом, Советская Россия постепенно превратилась в новое издание могущественной евразийской империи, а ее противостояние с капиталистическим миром во главе с США стало «кульминационной стадией «великой войны континентов», битвы между сухопутным Бегемотом и морским Левиафаном» [47, с. 398] в терминологии К. Шмитта [48, с. 581].

Господство квазирелигиозного сознания в Советском Союзе, вполне характерное для этапа перехода от традиционного общества к индустриальному, позволило русской цивилизации не только сохранить себя в сложнейших военно-политических условиях XX в., но и эффективно решить задачу модернизации Большой России без утраты культурной идентичности ее народами. Во многом именно коммунистическая идеология и советский менталитет населения позволил пройти СССР в своем развитии путь от почти полностью разрушенного постреволюционного государства до великой сверхдержавы, одного из центров (наряду с США) биполярного мира, «соучредителя» послевоенной (ялтинской) системы мироустройства. В начале 90-х гг. XX в. советская квазирелигия сошла с исторической сцены, но создала возможности для органичного синтеза традиционализма и модернизма на постсоветском пространстве, что, в свою очередь, создает перспективы для возвращения современной России на то место, которое она последние столетия занимала в мировой геополитике, но утратила за несколько лет после распада СССР.

Поэтому, глядя по многим внешним параметрам историческим разрывом с Санкт-Петербургской Империей, Советское государство с точки зрения логики русской истории и своего имперского политико-правового содержания явилось необходимым звеном в эволюции российской государственности, представляя собой совершенно закономерную фазу ее развития. По сути, советский проект имел в своей основе имперскую геополитическую природу.

Однако нынешним державникам-патриотам, ратующим за восстановление нового варианта российской империи, необходимо помнить, что СССР был государством системного антикапитализма, альтернативным буржуазной колониальной государственности имперским проектом, на протяжении полувека владевшим стратегической инициативой в противостоянии с мировым капитализмом, которое, как считают многие аналитики, вполне могло завершиться его победой. А попытка совместить в России империю с капиталистической социально-экономической системой была буквально за полвека провалена в конце XIX – начале XX вв.

СССР рухнул в апогее своего политического могущества, имея вполне конкурентную экономику и развитое общество с высоким уровнем образования и культуры. В последние десятилетия его существования в периферийных зонах окрепли национальные элиты, получили значительную самостоятельность аппараты компартий союзных республик и стран социалистического содружества, которые стали пренебрегать интересами имперского ядра и советской империи

в целом. Это дает основание целому ряду авторов утверждать, что основной причиной гибели СССР была его международная и внутренняя национальная политика, которая привела к формированию этнически-наследственных властных кланов в странах народной демократии, союзных и автономных республиках Союза ССР, что стало причиной подъема в них «националистических» настроений и роста центробежных процессов. Все это имело место точно так же, как и идеологическое противостояние и геополитическая конкуренция с Западом, запаздывание с ответами на новые технологические вызовы, перенапряжение в гонке вооружений с США и в помощи многочисленным «союзникам» по социалистическому лагерю и странам социалистической ориентации.

Однако основная причина гибели советской империи заключалась в первую очередь в отказе от социалистического пути развития, что позволило СССР построить великую державу и выиграть Великую Отечественную войну. Решающим фактором, предопределившим поражение Советского Союза в «холодной войне» с коллективным Западом, явилось не его имперское по сути и политической форме государственно-территориальное устройство, а постепенный переход после смерти И. В. Сталина к олигархической системе власти и управления и как результат – перерождение, прежде всего, центральной партийно-правительственной элиты, подпавшей под влияние западных ценностей, утратившей цивилизационную российскую идентичность и изменившей делу строительства социализма.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 01.09.2022).
2. Фурсов А. И. Коммунизм как понятие и реальность // Русский интерес. М. : Товарищество научных изданий КМК, 2014. С. 220–255.
3. Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик : принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 г. // Хрестоматия по истории отечественного государства и права. 1917–1991 гг. М. : Зерцало, 1997. С. 444–479.

4. Синюков В. Н. Российская правовая система. Введение в общую теорию. М. : Норма, 2010. 672 с.
5. Чистяков О. И. Конституция СССР 1924 года : учебное пособие. М. : ИКД «Зерцало-М», 2004. 224 с.
6. Карр Э. История Советской России. Книга 1. Большеви́стская революция 1917–1923. Т. 1–2. М. : Прогресс, 1990. 763 с.
7. Ившина И. Н. Создание федеративного государства. Сравнительно-правовое исследование. М. : Юрлитинформ, 2014. 321 с.
8. Pipes R. Russia's shuddering Empire // New Representative. Washington, 1989. Vol. 201. No. 19. P. 51–68.
9. Глигич-Золотарева М. Г. Правовые основы федерализма. М. : Юристъ, 2006. 422 с.
10. Федерализм: теория и история развития (сравнительно-правовой анализ) : учеб. пособие / отв. ред. М. Н. Марченко. М. : Юрист, 2000. 344 с.
11. Захаров А. Унитарная федерация. Пять этюдов о российском федерализме. М. : Московская школа политических исследований, 2008. 144 с.
12. Кузеев Р. Г. Национальные движения и федерализм в России // Этнографическое обозрение. 1993. № 6. С. 45–58.
13. Безуглов А. А., Солдатов С. А. Конституционное право России : в 3 т. Т. 1. М. : Профобразование, 2001. 799 с.
14. Кокотов А. Н. Русская нация и российская государственность. Екатеринбург : Издательство Уральской государственной юридической академии, 1994. 126 с.
15. Шамахов В. А., Межевич Н. М. Почему причины распада СССР следует искать до формирования СССР. Статья вторая. Стратегическая ошибка советской федерализации как рефлексия в отношении имперского устройства // Управленческое консультирование. 2020. № 12. С. 10–23.
16. Шамахов В. А., Межевич Н. М. Почему причины распада СССР следует искать до формирования СССР. Статья первая // Управленческое консультирование. 2020. № 10. С. 10–17.
17. Александров-Деркаченко П. П. Европейская школа федерализма // Современная Европа. 2016. № 4 (70). С. 118–129.
18. Авдеенкова М. П., Дмитриев Ю. А. Конституционное право Российской Федерации : курс лекций. М. : ООО «Полиграф Опт», 2004. 384 с.
19. Рыбаков В. А. Смешанная форма государственного устройства // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2013. № 4 (37). С. 6–12.
20. Рыбаков В. А. Форма Советского государства. М. : Инфра-М, 2020. 191 с.
21. Зубов А. Б. Советский Союз: из империи в ничто? // Полис. 1992. № 1–2. С. 56–74.
22. Каспэ С. И. Империя и модернизация: Общая модель и российская специфика. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2001. 256 с.
23. Ливен Д. Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней. М. : Европа, 2007. 688 с.
24. Мартин Т. Империя положительной деятельности. Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН): Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2011. 663 с.
25. Мотыль А. Пути империй: упадок, крах и возрождение имперских государств. М. : Изд-во Моск. школы полит. исслед., 2004. 248 с.
26. Дугин А. Г. Мыслить пространством // Основы геополитики. Геополитическое будущее России. Мыслить Пространством. М. : АРКТОГЕЯ-Центр, 1999. С. 579–892.
27. Грачев Н. И. Государственный суверенитет и формы территориальной организации современного государства: основные закономерности и тенденции развития. М. : Книгодел, 2009. 468 с.
28. Грачев Н. И. Формы государственного устройства в современном мире: основы теории и конституционно-правовая практика : учебное пособие. Волгоград : ВА МВД России, 2020. 524 с.
29. Кагарлицкий Б. Ю., Сергеев В. Н. История России: миросистемный анализ. М. : ЛЕНАНД, 2014. 432 с.
30. Ленин В. И. О лозунге Соединенных штатов Европы // Полное собрание сочинений. Т. 26. М. : Политиздат, 1969. С. 351–355.
31. Декларация I Съезда советов СССР об образовании Союза Советских Социалистических Республик 30 декабря 1922 г. // URL: <https://constituanta.blogspot.com/2012/09/1922.html> (дата обращения: 01.09.2022).

32. Ленин В. И. Черновой набросок проекта программы // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. М. : Политиздат, 1969. С. 70–76.
33. Программа Российской коммунистической партии (большевиков) : принята VIII съездом партии 18–23 марта 1919 г. // URL: <http://agitclub.ru/center/comm/rkpb/1919progr.htm> (дата обращения: 01.09.2022).
34. Капченко Н. И. Политическая биография Сталина. Т. 1 (1879–1924). Тверь : Северная корона, 2004. 736 с.
35. Сталин В. И. Об объединении советских республик : доклад на X Всероссийском съезде Советов 26 декабря 1922 г. // Сочинения. Т. 5. М. : ОГИЗ; Госполитиздат, 1947. С. 145–155.
36. Сталин В. И. О проекте Конституции Союза ССР // Сочинения. Т. 14. Тверь : Информационно-издательский центр «СОЮЗ», 2007. С. 137–169.
37. Сталин И. В. Экономические проблемы социализма в СССР // Сочинения. Т. 16. М. : Издательство «Писатель», 1997. С. 154–223.
38. Сталин И. В. Октябрьская революция и тактика русских коммунистов // Сочинения. Т. 6. М. : ОГИЗ; Госполитиздат, 1947. С. 358–401.
39. О задачах Коминтерна и РКП (б) в связи с расширенным пленумом ИККИ : резолюция XIV конференции РКП (б) // Четырнадцатая конференция Российской Коммунистической Партии большевиков (стенографический отчет). М.-Л. : Государственное издательство, 1925. С. 306–319.
40. Понкин И. В. Концепт глубинного государства («deep state») // Право и государство. 2019. № 3 (84). С. 43–60.
41. Мировая система социализма и ее распад // URL: https://studref.com/314347/istoriya/mirovaya_sistema_sotsializma_raspad (дата обращения: 01.09.2022).
42. Бабурин С. Н. Мир империй: территория государства и мировой порядок. СПб. : Юридический центр Пресс, 2005. 769 с.
43. Шишков В. В. Политика Советского Союза как имперский проект // Полития. 2013. № 2 (69). С. 129–141.
44. Манн М. Источники социальной власти : в 4 т. Т. 3. Глобальные империи и революция. 1890–1945 годы. М. : Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018. 696 с.
45. Tilli Ch. How empires end // After empire: multiethnic societies and nation-building: the Soviet Union and the Russian, Ottoman, and Habsburg empires / edited by Karen Barkey and Mark von Hagen. Boulder, Colo; Oxford : Westview Press, 1997. P. 3–13.
46. Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М. : Наука, 1990. 224 с.
47. Дугин А. Г. Геополитика России : учебное пособие для вузов. М. : Академический Проект; Гаудеамус, 2012. 523 с.
48. Шмитт К. Земля и море. Рассказ для моей дочери // Номос земли в праве народов *jus publicum europaeum*. СПб. : Владимир Даль, 2008. С. 573–639.

REFERENCES

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993 with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020) // Access from the ConsultantPlus legal system. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (date of access: 01.09.2022). (In Russ.)
2. Fursov A. I. Communism as a concept and reality // Russian interest. М. : Fellowship of scientific publications of KMK, 2014. P. 220–255. (In Russ.)
3. The Constitution (Basic Law) of the Union of Soviet Socialist Republics: adopted at the extraordinary seventh session of the Supreme Soviet of the USSR of the ninth convocation on October 7, 1977 // Reader on the history of the domestic state and law. 1917–1991. М. : Zertsalo, 1997. С. 444–479. (In Russ.)
4. Sinyukov V. N. Russian legal system. Introduction to General Theory. М. : Norma, 2010. 672 p. (In Russ.)
5. Chistyakov O. I. The Constitution of the USSR of 1924: a textbook. М. : IKD «Zertsalo-M», 2004. 224 p. (In Russ.)

6. Carr E. History of Soviet Russia. Book 1. The Bolshevik Revolution 1917–1923. T. 1–2. M. : Progress, 1990. 763 p. (In Russ.)
7. Ivshina I. N. Creation of a federal state. Comparative legal research. M. : Yurlitinform, 2014. 321 p. (In Russ.)
8. Pipes R. Russia's shuddering Empire // New Representative. Washington, 1989. Vol. 201. No. 19. P. 51–68. (In Russ.)
9. Gligich-Zolotareva M. G. Legal foundations of federalism. M. : Yurist, 2006. 422 p. (In Russ.)
10. Federalism: theory and history of development (comparative legal analysis) : textbook. allowance / otv. ed. M. N. Marchenko. M. : Lawyer, 2000. 344 p. (In Russ.)
11. Zakharov A. Unitary Federation. Five studies on Russian federalism. M. : Moscow school of political research, 2008. 144 p. (In Russ.)
12. Kuzeev R. G. National movements and federalism in Russia // Ethnographic Review. 1993. No. 6. P. 45–58. (In Russ.)
13. Bezuglov A. A., Soldatov S. A. Constitutional law of Russia : in 3 volumes. T. 1. M. : Vocational education, 2001. 799 p. (In Russ.)
14. Kokotov A. N. Russian nation and Russian statehood. Yekaterinburg : Publishing House of the Ural State Law Academy, 1994. 126 p. (In Russ.)
15. Shamakhov V. A., Mezhevich N. M. Why the reasons for the collapse of the USSR should be sought before the formation of the USSR. Article two. The strategic mistake of Soviet federalization as a reflection on the imperial structure // Management consulting. 2020. No. 12. P. 10–23. (In Russ.)
16. Shamakhov V. A., Mezhevich N. M. Why the reasons for the collapse of the USSR should be sought before the formation of the USSR. Article one // Management consulting. 2020. No. 10. P. 10–17. (In Russ.)
17. Aleksandrov-Derkachenko P. P. European school of federalism // Modern Europe. 2016. No. 4 (70). P. 118–129. (In Russ.)
18. Avdeenkova M. P., Dmitriev Yu. A. Constitutional law of the Russian Federation: a course of lectures. M. : Polygraph Opt LLC, 2004. 384 p. (In Russ.)
19. Rybakov V. A. Mixed form of government // Bulletin of the Omsk University. Series «Right». 2013. No. 4 (37). P. 6–12. (In Russ.)
20. Rybakov V. A. The form of the Soviet state. M. : Infra-M, 2020. 191 p. (In Russ.)
21. Zubov A. B. The Soviet Union: from empire to nothing? // Polis. 1992. № 1–2. P. 56–74. (In Russ.)
22. Kaspé S. I. Empire and modernization: General model and Russian specifics. M. : Russian political encyclopedia (ROSSPEN), 2001. 256 p. (In Russ.)
23. Liven D. The Russian Empire and its enemies from the 16th century to the present day. M. : Europe, 2007. 688 p. (In Russ.)
24. Martin T. Empire of positive activity. Nations and nationalism in the USSR, 1923–1939. M. : Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN): B. N. Yeltsin Presidential Center Foundation, 2011. 663 p. (In Russ.)
25. Motyl A. Ways of empires: decline, collapse and revival of imperial states. M. : Publishing house Mosk. political schools. issled., 2004. 248 p. (In Russ.)
26. Dugin A. G. Thinking in space // Fundamentals of geopolitics. Geopolitical future of Russia. Think in Space. M. : ARCTOGEYA-Center, 1999. P. 579–892. (In Russ.)
27. Grachev N. I. State sovereignty and forms of territorial organization of the modern state: main patterns and development trends. M. : Knigodel, 2009. 468 p. (In Russ.)
28. Grachev N. I. Forms of government in the modern world: fundamentals of theory and constitutional and legal practice : textbook. Volgograd : VA Ministry of Internal Affairs of Russia, 2020. 524 p. (In Russ.)
29. Kagarlitsky B. Yu., Sergeev V. N. History of Russia: world-system analysis. M. : LENAND, 2014. 432 p. (In Russ.)
30. Lenin V. I. On the slogan of the United States of Europe // Complete Works. T. 26. M. : Politizdat, 1969. P. 351–355. (In Russ.)
31. Declaration of the First Congress of Soviets of the USSR on the formation of the Union of Soviet Socialist Republics on December 30, 1922 // URL: <https://constituanta.blogspot.com/2012/09/1922.html> (date of access: 01.09.2022). (In Russ.)
32. Lenin V. I. Draft draft of the program // Lenin V. I. Poln. coll. op. T. 36. M. : Politizdat, 1969. P. 70–76. (In Russ.)

33. Program of the Russian Communist Party (Bolsheviks): adopted by the VIII Party Congress on March 18–23, 1919 // URL: <http://agitclub.ru/center/comm/rkpb/1919progr.htm> (date of access: 01.09.2022). (In Russ.)
34. Kapchenko N. I. Political biography of Stalin. T. 1 (1879–1924). Tver: Severnaya Korona Publ., 2004. 736 p. (In Russ.)
36. Stalin V. I. On the draft Constitution of the USSR // Works. T. 14. Tver: Information and Publishing Center «SOYUZ», 2007. P. 137–169. (In Russ.)
37. Stalin I. V. Economic problems of socialism in the USSR // Works. T. 16. M.: Publishing house «Pisatel», 1997. P. 154–223. (In Russ.)
38. Stalin I. V. The October Revolution and the tactics of Russian communists // Works. T. 6. M.: OGIZ; Gospolitizdat, 1947. P. 358–401. (In Russ.)
39. On the tasks of the Comintern and the RCP (b) in connection with the expanded plenum of the ECCI: resolution of the XIV conference of the RCP (b) // Fourteenth conference of the Russian Communist Party of Bolsheviks (verbatim report). M.-L.: State Publishing House, 1925. P. 306–319. (In Russ.)
40. Ponkin I. V. The concept of the deep state («deep state») // Law and State. 2019. No. 3 (84). P. 43–60.
41. The world system of socialism and its collapse // URL: https://studref.com/314347/istoriya/mirovaya_sistema_sotsializma_raspad (date of access: 01.09.2022). (In Russ.)
42. Baburin S. N. World of empires: the territory of the state and the world order. SPb.: Legal Center Press, 2005. 769 p. (In Russ.)
43. Shishkov V. V. Policy of the Soviet Union as an imperial project // Politiya. 2013. No. 2 (69). P. 129–141. (In Russ.)
44. Mann M. Sources of social power: in 4 vols. T. 3. Global empires and revolution. 1890–1945 Moscow: Delo Publishing House, RANEPА, 2018. 696 p. (In Russ.)
45. Tilli Ch. How empires end // After empire: multiethnic societies and nation-building: the Soviet Union and the Russian, Ottoman, and Habsburg empires / edited by Karen Barkey and Mark von Hagen. Boulder, Colo; Oxford: Westview Press, 1997. P. 3–13. (In Russ.)
46. Berdyaev N. A. The origins and meaning of Russian communism. M.: Nauka, 1990. 224 p. (In Russ.)
47. Dugin A. G. Geopolitics of Russia: textbook for universities. Moscow: Academic Project; Gaudeamus, 2012. 523 p. (In Russ.)
48. Schmitt K. Land and Sea. A story for my daughter // Nomos of the land in the law of peoples jus publicum europaeum. SPb.: Vladimir Dal, 2008. P. 573–639. (In Russ.)

Информация об авторе:

Грачев Н. И., доктор юридических наук, доцент.

Information about the author:

Grachev N. I., Doctor of Law, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 07.09.2022; одобрена после рецензирования 28.10.2022; принята к публикации 25.11.2022.

The article was submitted 07.09.2022; approved after reviewing 28.10.2022; accepted for publication 25.11.2022.